

*...Я старалась служить переводу, я упивалась переводом. Мне хотелось, чтобы дивная речь
другого народа звучала на моем языке, чтобы она была упоительной.*

Белла Ахмадулина

Сильва Капутикян

КЛЕОПАТРА

*Воители, уставшие от войн,
Как много вы гордились и грозились,
А ныне грезите, как бедуины: вон
Оазис, что затеял бог Озирис.
А это — я. Я призываю вас!
Идите же! Я напою вас влагой.
Отважная, я проявляю власть,
Гнушаясь вашей властью и отвагой.
Стране врагов внушая страх и жуть,
Как доблестно глумились вы над нею!
Я — тоже воин и вооружусь
Всей силою, всей слабостью моею.
Идите же! Теперь моя пора.
Вы славите, объятые смятеньем,
Светильник, возожженный богом Ра.
А это — я. И мой ожог — смертелен.
Страшитесь, победители морей!
Благие ветры вашу жизнь спасали.
Но из пучины нежности моей
Вам не уйти под всеми парусами.
Маяк удачи вас к себе манил,
И мчались вы. Как долго длилось это!
Но кончилось! Во мглу страстей моих
Судьба не шлет спасительного света.*

Пусть царственное мужество мужчин,
Чье тело прочно, как стена Хеопса,
Вас приведет принять низжайший чин
Безмолвного и вечного холопства.
Идите же в пески моей земли!
В глубь сердца, милосердного иль злого,
Проникну я, как холодок змеи...
Змея? Зачем мне страшно это слово?
Неужто переменчива любовь
Богов ко мне? Но это после! Ныне —
Короны, шрамы и морщины лбов —
К моим ногам! В ночах моей пустыни
Вы властные мужи, падите ниц!
Вовек вам с рабской участью мириться
И ластиться ко мне, как старый Нил:
«Прости, златокоронная царица!»
Идите же, цари! Я — царь царей.
Я — всё, словно вселенная и вечность.
Я — суть судьбы и возражение ей.
Я — женщина. Я — бог. Я — бесконечность.

1940

«Объятый именем моим...»

Объятый именем моим,
идешь по улице с другой.
Я, с кем-то чуждым и другим,
иду по улице другой.
Несчастливы и я, и ты,
и те, чьи милые черты
Нам не милы. О, плач земной:

«Мне в радости иль в грусти пребывать...»

*Мне в радости иль в грусти пребывать?
Но что скрывать: влекомая толпой,
Я не боюсь увидеться с тобой,
Давно губам моим не тяжёк труд
Небрежно молвить: «Как дела, мой друг?»
Давно душе забывчивой легки
Сладчайшие сокровища тоски,
И темный взгляд, летящий меж людьми,
Внушает мне предчувствие любви...
Мне в радости иль в грусти пребывать?*

ПРИГОВОР

*Я признаюсь в провинности любви
И кротко жду возмездья и позора.
Суди меня! Пускай уста твои
Не медлят с объявлением приговора.
Казни меня петлёй твоей косы,
И вслед за тем я претерплю покорно
В раю твоих объятий и красы
Века потустороннего покоя.*

АССИРИЙКА

*На миг замедлив деловитый шаг,
Огромный город, вспыльчивый и властный,
К ее лицу подносит свой баширак,
Чтоб чистила и украшала ваксой.*

*Как шаль ее старинная бедна,
Как пристально лицо над башмаками,
И чернота ее труда — бела
В сравнении с двумя ее зрачками.
О, те зрачки — в чаду иной поры —
Повелевали властелинам мира,
И длились ниневийские пиры,
И в семь цветов цвела Семирамида.
Увы, чрезмерна роскошь этих глаз
Для созерцанья суетной дороги,
Где мечутся и попирают грязь
Бесчисленные ноги, ноги, ноги...
Что слава ей, что счастье, что судьба?
Пред обувью, замаранной жестоко,
Она склоняет совершенство лба
В гордыне или кротости Востока.*

1957

«Я слабой была, но я сильной была...»
*Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребенку, царице подобно.
Мне надобно было воскликнуть: «Постой!
Продли мою жизнь! Дай побыть молодой!»
Сказала: «Ступай! Этой ночью пустой
Дай мне посмеяться над нашей бедою!»
Я верила чаду речей и лица,
Когда же мне в них обмануться случилось,
Сама отвела я глаза от лжеца,*

*И это была моя месть или милость.
Вовек не искала того, что нашла,
А то, что нашла, потеряла навеки.
Богатством утрат возгордилась душа,
Надменно отринув хвалу и наветы.
Я слабой была, но я сильной была,
Я зла не творила, а каялась долго,
Небрежно, небрежно жизнь прожила —
Подобно ребенку, царице подобно.*

ОСТАНОВИСЬ, ЧЕЛОВЕК!

*Та женщина, неведомая мне,
И по причине, неизвестной мне,
Так плакала, припав лицом к стене,
Беду свою всем телом понимая.
Внимала плачу женщины стена.
Я торопилась — чуждая страна
Меня ждала. Мой поезд был — «стрела».
Шла в даль свою толпа глухонемая.
Взлетел гудок. Стакан пустился в пляс.
Как бледный мим, витал во тьме мой плащ.
И вдруг огромный безутешный плач
Меня настиг средь мчащегося леса.
Печальный поезд сострадал ему —
Колёсами, считающими тьму,
Он так звучал, внушая боль уму,
Как будто это плакало железо.
Болтался плащ. Приплясывал стакан,
О, спешка мира! Как рвануть стоп-кран?*

*Плач, как палач, меня казнил стократ.
Подушка сна была груба, как плаха.
Остановитесь, поезда земли!
Не рвитесь, самолеты, в высь зари!
Мотор столетья, выключись, замри!
Виновны мы в беде чужого плача.
Повремени, мой непреклонный век,
С движением твоим — вперед и вверх.
Стой, человек! Там брат твой — человек
Рыдает перед каменной стеною
И бьется лбом в затворенный Сезам^[183].
Люби его! Внемли его слезам!
Не торопись! Пусть ждет тебя вокзал
Прогулок меж Землею и Луною.*

1962

ОСЕНЬ

*В природе — сытость влагою и сырость.
Октябрь желает желтым малевать.
Вот и свершилось то, что сердцу снилось:
Прощай! Разлуки нам не миновать.
Ступай! Иди, куда идти велит
Неверности тяжелая свобода.
Я помогу тебе — поторопись,
Мой опыт провожаний так велик,
Я преуспела в этом, как природа
В искусстве провожать листву и птиц.
В дорогу соберу тебя сама:
Все вспышки губ, все россыпи и клады
Тайн безымянных — отдаю! Возьми!*

*Ах, странник мой, полна твоя сума —
В ней все твои неистовые клятвы,
Непрочные, как детский вздор весны.
Что вспоминать — давно растрочен август,
Душа и лес зияют в октябре.
Не медли же — мне пустота не в тягость,
О, благодарствуй — добрый путь тебе!
А слёзы — пусть их — это лишь ошибки
Моих зрачков. Всё минет без следа.
Мой опыт провожаний так обширен,
Так замкнута моей судьбы тропа...*

1967

Перевела **Белла Ахмадулина**